

ПОНЯТИЕ ЗЛА В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Л.Н.ТОЛСТОГО

Е.Д. МЕЛЕШКО

Тульский государственный педагогический университет им.Л.Н. Толстого

e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru

В статье анализируется концепция зла в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого, раскрывается двойственность и парадоксальность зла, определяются его истоки, содержание и смысл, а также возможности преодоления, как способы духовного возрождения и нравственного самосовершенствования личности. В статье анализируются различные подходы понимания нравственной природы человека в истории культуры, их влияние на концепцию зла в религиозно нравственном учении Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: зло, грех, насилие, непротivление злoму, благо, добро, нравственное совершенствование, любовь, радость.

Основополагающая мысль Толстого в понимании природы зла имеет парадоксальный смысл. «Мы называем злом все то, - пишет Толстой во ввoдном, ключевом изречении к разделу «Зло» в «Пути жизни», - что нарушает благо нашей телесной жизни. А между тем вся жизнь наша есть только постепенное освобождение души от того, что составляет благо тела. И потому для того, кто понимает жизнь такую, кака я она действительно есть, *нет зла*» (курсив мой. - Е. М.). Эту мысль Толстой приводит в еще более парадоксальной и лаконичной форме: «То, что мы считаем для себя злом, есть большею частью не понятое еще нами добро»².

Итак, в первом случае зла вообще нет, во втором - зло есть «непонятое добро». Эти положения имеют принципиально важное значение для основополагающего принципа религиозной философии Толстого - принципа непротivления, ибо они ставят под сомнение *предметность* самой заповеди «не противься злoму». Если зла нет, или, если зло есть иллюзия и в действительности является всего лишь «непонятым добром», то чему же тогда следует не противиться и какова цена самого непротivления, если предметом его фактически оказывается не зло, а благо?

Следует отметить, что Толстой не делает сколь-нибудь последовательных выводов из идеи иллюзорности зла. В противном случае это заставило бы его в корне пересмотреть все свое учение. Действительно, согласно толстовской трактовке злого, речь должна идти не о «зле» как таковом, как некоем предметном, субстанциальном качестве, а о некотором явлении ценностно неопределенной природы, протivление которому *силой* создает *видимость зла*. Эффект зла возникает здесь в результате соединения двух начал: определенного субъекта (или, возможно, объекта), обладающего качествами силы, агрессии, экспансии, угрожающими «благу», жизни и т. п., и ответного *насилия*, как средства протivостояния этим качествам. Заметим, что ни эти силы, ни ответное насилие сами по себе не есть зло. Только их соединение создает эффект зла, которого в действительности нет.

Такая точка зрения в какой-то мере объясняет парадокс принципа непротivления. С одной стороны, Толстой считает зло иллюзией, а также совершенно неопределенным, условным, субъективно-относительным качеством, а с другой, - видит в насилии *абсолютное зло*. Парадокс здесь заключается в следующем: если зла нет, то и насилия тоже нет, что это - всего лишь иллюзии. В действительности же насилие реально, абсолютно в том смысле, что оно всегда создает эффект зла, хотя само по себе и не является таковым. «Эффект зла» означает здесь то, что данное «зло» существует в чисто человеческой, духовной проекции, как своего рода аберрация ума. Поэтому, в строгом смысле слова, заповедь «не противься злу насилием», или «не противься злoму», сформулирована неточно.

¹ Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993. - С. 358.

² Там же. С. 363.

Если Христос признавал зло реальной силой, то в этом случае подобная формулировка оправдана. Но если признавать, как это делает Толстой, зло иллюзией, или «непонятым добром», то тогда данную заповедь следовало бы переформулировать таким образом: не противься какой бы то ни было силе с помощью ответной силы (насилия), ибо соединение двух *противоборствующих* сил создает эффект зла, т. е. порождает *иллюзию зла*, хотя, в действительности, за этой иллюзией кроется реальность еще не понятого добра.

Совершенно очевидно, что евангельская заповедь непротивления строится на признании реальности, предметности зла. Другое дело, что из текста Евангелия невозможно однозначно понять, о каком зле идет речь. То ли Иисус говорит о зле самом по себе, в значении субстанциальной противоположности добра; то ли он имеет в виду некое олицетворение зла, злую силу в виде дьявола, «лукавого» или просто человека-злодея и т. д. Однако в любом случае, с этой точки зрения, зло не является иллюзией. Контекст евангельской заповеди позволяет предположить, что зло не просто реально, оно *суперреально*. «Дьявольская» реальность зла узурпирует все права сущего быть онтологически значимым. Христос заповедует не противиться *человеческой силой* этому дьявольскому онтологизму зла, противопоставив ему *духовную сверхсущую реальность* кротости, терпения и милосердия.

В учении Толстого, безусловно, присутствует и этот евангельский момент понимания природы зла, который особенно ярко выражен в его системе грехов, соблазнов и суеверий, в признании этих грехов реальным и даже неискоренимым свойством человеческой природы. «Если люди думают, что можно в этой жизни освободиться от грехов, то они очень ошибаются. Человек может быть более или менее грешен, но никогда не может быть безгрешен. Не может живой человек быть безгрешен потому, что в освобождении от грехов вся жизнь человеческая, и только в этом освобождении есть истинное благо жизни»³. Как видим, в данном случае точка зрения Толстого подвергается корректировке. Речь здесь уже не о том, что зло, грехи есть «непонятое добро», а о том, что в *освобождении* от зла, грехов и состоит истинное благо. Эту мысль Толстой формулирует еще более четко и образно: «Грехи, соблазны и суеверия - это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти»⁴.

Признавая в данном случае самостоятельность и реальность зла, Толстой все-таки рассматривает его как почву для обретения блага. Реальность «почвы» в любом случае относительна или вспомогательна; она меркнет перед реальностью блага, «семян любви».

Таким образом, толстовская концепция зла остается по самой своей сути двойственной: зло для Толстого эфемерно, иллюзорно и в то же время реально. Что же лежит в основе этой двойственности в понимании природы зла? Как Толстому удастся сохранять единство в понимании смысла непротивления? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к основным концепциям зла в истории культуры, оказавшим явное или скрытое влияние на учение Толстого.

В какой-то мере этим вопросом задавался С. Н. Булгаков в своей работе «Человекобог и человекозверь», посвященной анализу последних художественных произведений Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей». Поэтому наше дальнейшее исследование мы будем соотносить с теми или иными положениями булгаковской статьи.

В истории культуры можно выделить два основных подхода к нравственной природе человека: одно учит о врожденности зла и коренной поврежденности человеческой природы, другое исходит из того, что человек по своей природе добр и что причина зла заключается не в человеческом сердце, а в заблуждениях ума, невежестве или общественной несправедливости.

Первая точка зрения находит свое полное и окончательное выражение в христианском учении о человеке, его неспособности собственными силами преодолеть соблазн зла, победить в себе грех. Эта точка зрения получила свое философско-этическое развитие в учениях Августина, Канта, Вл. Соловьева и др. мыслителей. Так, согласно Августину, человек есть раб греха; его собственная свобода есть лишь *влечение ко злу*; самостоятельная же способность к добру у него отсутствует. В этом смысле зло в человеческом ми-

³ Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993. - С. 74.

⁴ Там же. С. 81.

ре для Августина суперреально и сам человек без помощи божественной благодати, порождающей в нем волю и силу к добру, не способен противоборствовать злу. Этика Канта также стоит на точке зрения «радикального зла» в человеческой природе, усматривая в человеке «естественное предрасположение ко злу»⁵. И хотя Кант отрицает первородный общечеловеческий грех, повреждающий саму природу человека, он все-таки полагает, что склонность ко злу «не может быть уничтожена человеческими силами», хотя ее и возможно превозмочь, так как она проявляется в человеке как свободно действующем существе. Однако сам момент «превозможения» приобретает у Канта «сверхъестественный» характер: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, - это выше нашего понимания; в самом деле, каким образом злое дерево может приносить добрые плоды?»⁶. По Канту, зло вполне совместимо с доброй волей, «и возникает из слабости человеческой природы, недостаточно сильной для следования принятым принципам»⁷.

Кантовская мысль о том, что зло есть всего лишь следствие *слабости* человеческой природы, была очень близка Толстому, ибо она делала проблематичной саму *предметность* зла. Не «злостность», в основе которой лежит мотив «чистого», «сатанинского» зла, а *слабость*, т. е. неумение быть последовательным и принципиальным в своем поведении, - вот в чем Толстой «согласен» был видеть корень порочности и греховности человека. В его «Дневниках» (7 октября 1892 г.) мы находим весьма характерную мысль: «Злой человек! Негодяй, мерзавец, злодей! Преступник. Страшный! Люди слишком слабы для того, чтобы они могли быть злы. Все они хотят быть добры, только не умеют, не могут. Это неумение быть добрым и есть то, что мы называем злым».

Кантовская концепция «радикального» зла оставляет определенную надежду на компромисс с добром, возможность «деонтологизации» зла в пользу блага. Напротив, точка же зрения В. С. Соловьева в этом вопросе выглядит совершенно бескомпромиссной. В своем последнем произведении «Три разговора» Соловьев не только признает самостоятельную реальность зла, но также и его власть над добром в различных сферах жизни. «Зло действительно существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях бытия. Есть зло индивидуальное - оно выражается в том, что низшая сторона человека, скотские и зверские страсти противятся лучшим стремлениям души и *осливают их* в огромном большинстве людей. Есть зло общественное - оно в том, что людская толпа, индивидуально поработанная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их; есть, наконец, то физическое в человеке - в том, что низшие материальные элементы его тела сопротивляются живой и светлой силе, связывающей их в прекрасную форму организма... Это есть крайнее зло, называемое смертью»⁸.

Для Толстого подобное понимание зла оказалось неприемлемым, ибо сама констатация перевеса «низших качеств над высшими», тем более, «во всех областях бытия», расценивалась им --в метафизическом плане - как следствие чисто материалистического и эмпирического воззрения на мир, а в этическом - гедонистической и утилитаристской жизненной установки. «Страдания и смерть представляются человеку злом только тогда, - отмечал он, - когда закон своего плотского, животного существования человека принимает за закон своей жизни. Только тогда он, будучи человеком, спускается на степень животного, только тогда для него становятся страшны страдания и смерть... Страдания и смерть есть только нарушение человеком закона своей жизни. Если бы человек жил вполне духовной жизнью, для него не было бы ни страданий, ни смерти»⁹.

Разумеется, концепция зла в философии Вл. Соловьева не подходит под такие оценки. В ней углубляются христианские представления об укорененности зла в человеческой природе и бессилии «человеческого» добра перед «демоническим» злом. Вполне

⁵ Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. - С. 108.

⁶ Там же. С. 116.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. - С. 727.

⁹ Толстой Л. Н. Путь жизни. - С. 375.

в августиновском духе Соловьев говорит о сверхъестественной, божественной благодати, призванной для действительной борьбы со злом и выступающей у него в виде некоего «*вдохновения добра*», или прямого и положительного действия доброго начала на нас и в нас. Только при таком содействии свыше ум и совесть человека становятся надежными помощниками самого добра, и нравственность, вместо всегда сомнительного «хорошего поведения», становится несомненно «жизнью в самом добре».

В учениях второго типа, наличие сил греха и зла в человеке, либо игнорируются, либо отрицаются. Причиной зла считается здесь либо *неведение* и *зablуждение* человеческого ума, либо ложное социальное устройство жизни, т. е. *незнание закона жизни*. Обе эти точки зрения на природу зла оказались весьма близки Толстому и нашли свое отражение в его концепции зла.

Существенное влияние на учение Толстого оказало *буддийское* понимание природы зла, хотя это влияние во многом было скрытым. Толстой заимствовал из буддийской философии зла прежде всего идею обратного воздействия зла на того, кто его совершает. «Зло возвращается на того, кто его сделал, так же как пыль, брошенная против ветра» (Дхаммапада)¹⁰. Иными словами, зло есть продукт человеческого деяния, причем такого деяния, в основе которого лежит незнание истинной природы вещей, порожденное иллюзией собственного «я». Вследствие этого «дурные поступки, имеющие целью своекорыстный интерес и счастье на земле и ведущие к зависимости от рождения, возникают в результате *ложного видения*, вождления и ненависти. Моральное зло есть следствие *неведения* или *неправильного понимания* ценности и природы вещей»¹¹.

Не менее существенное влияние оказал на учение Толстого и античный рационализм сократовского образца, исходящий из той предпосылки, что никто не может быть порочен по собственной воле, что зло есть заблуждение, незнание добра, неумение научиться добродетели. Сократовский рационализм в понимании сущности зла сочетается у Толстого с нравственным утилитаризмом. В «Круге чтения» он приводит следующую мысль Сократа: «Злой человек вредит другим без всякой для себя выгоды; мало того, вредя другим, делает и себе вред»¹². Отсюда убеждение Толстого в том, что зло - «это наши ошибки»¹³.

В своем понимании природы зла Толстой опирается также на учения, в которых источник зла усматривается в забвении или незнании естественного порядка и нарушении его норм, а также в *ложном устройстве жизни*. Незнание закона жизни проявляется, например, в «добровольном рабстве» (Э. ла Бозети), когда люди «сами упорствуют в своем зле и не видят лежащего перед ними добра».

Эту «иллюзию зла» Толстой рассматривает в контексте возможной практики *массового непротивления злему*. В «Письме к китайцу» он подчеркивает ту мысль, что причина порабощения людей - это фактическая поддержка ими закона насилия. Чтобы избавиться от зла, т. е. разрушить иллюзию зла, надо бороться не с его последствиями (злоупотреблением властью, захватами и грабежами соседних народов и т. п.), а с самим корнем зла: с *ложным отношением* народа к власти. «Если народ считает политическую власть выше власти *нравственного закона*, то он всегда останется рабом, какой бы характер эта власть не носила»¹⁴.

Объясняя эту «иллюзию зла», Толстой, теперь уже в «Письме к индусу», показывает истинную причину «самопорабощения», при котором граждане в собственном государстве становятся как бы угнетателями самих себя. «Как может кучка англичан поработить и держать в порабощении 200-миллионный народ? Скажите это человеку, свободному от суеверия, он не поймет, что значат эти слова. Разве не ясно по одним только цифрам, что не англичане, а сами индусы поработили себя тем, что они жили насилием,

¹⁰ Толстой Л. Н. Круг чтения. М., 1991. Т. 1. - С. 305.

¹¹ Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1993. Т. 1. - С. 356-357.

¹² Толстой Л. Н. Круг чтения. Т. 1. - С. 53.

¹³ Толстой Л. Н. Путь жизни. - С. 365.

¹⁴ Толстой Л. Н. Письмо к китайцу // Поли. собр. соч.: В 90 т. Т. 36. - С. 297.

живут насиллием и не признают закона любви?»¹⁵. Толстой убежден, что человек сам создает «эффект» зла, поскольку живет не по закону любви, а по закону насилия.

Таким образом, проведенный анализ позволяет судить, что толстовская концепция зла не укладывается целиком ни в одно из рассмотренных направлений в понимании зла, но включает в себя элементы и того и другого. С одной стороны, по основам своего *понимания мира и человека* толстовская концепция зла, несомненно, должна быть отнесена ко второму типу учений, поскольку Толстой разделяет веру в естественного человека, неповрежденного в своей основе и извращенного лишь ложным устройством жизни, дурным воспитанием и незнанием «закона любви».

В этом отношении Толстой не приемлет идею первородного греха, «радикального зла» в человеческой природе, отвергая тем самым и действие сверхъестественной, божественной благодати на человеческую волю. Религия Толстого раскрывается здесь как религия «*разумного самоспасения*». Неслучайно Толстой так любил повторять мысль из «Дхаммапады», несколько раз включив ее в «Круг чтения»: «Сам совершаешь грех, сам замыслишь зло, сам убегаешь от греха, сам очищаешь помыслы, сам собой ты порочен или чист, другому не спасти тебя»¹⁶.

Однако, с другой стороны, по своему *духовному опыту*, по своей *художественной интуиции* Толстой безусловно стоит на позиции христианского понимания зла, признавая зло самостоятельной, реальной силой, изначально повреждающей нравственную природу человека. «Он слишком глубоко заглянул в человеческую душу, -- пронизательно замечает С. Н. Булгаков, - он слишком много познал опытом своей собственной жизни, чтобы вместе с оптимистами совершенно отвергать силу греха, провозглашать нравственное здоровье естественного человека»¹⁷. По мысли Булгакова, Толстой ни в чем так не был близок к *церковному христианству*, как в сознании греха, его силы и непобедимости, перед которой «детским лепетом» кажутся разговоры о самоспасении. «Толстой слишком хорошо знал в надменном человекобоге грязного человекозверя», - заключает свою мысль С. Н. Булгаков.

Особенно явно эта точка зрения на природу зла открылась в поздних художественных произведениях Толстого - повестях «Отец Сергей» и «Дьявол». В своем анализе этих произведений С. Н. Булгаков приходит к выводу: их жизненный смысл в том, что «ясное сознание силы зла и греха без духовной опоры вне себя, без покаяния и отпущения грехов, без благодатной помощи и возрождения ведет или к духовному одеревенению, «нечувствию» и самообольщению, или же к отчаянию»¹⁸.

Христианский взгляд на природу зла заявляет о себе и в религиозной философии Толстого. Мы уже отмечали, что в своем последнем произведении «Путь жизни» Толстой считает, что в этой жизни человек не может освободиться от грехов, что он может быть только более или менее грешен, но безгрешным не может быть никогда. Однако в самом сознании своей греховности, мобилиующим человека на борьбу с собственными пороками и скрывается тот момент «благодати» и «спасения свыше», которые характеризуют истинно христианский путь преодоления зла. «Толстой не устает повторять, что самый путь борьбы с грехом исполнен чувства приближения к Богу и потому радостен, - замечает С. Н. Булгаков. В этом главный нерв религиозной проповеди Толстого и ее пафос: *радость пути* и радость сознания, как много этого пути осталось. Радость есть сила всякой религии. Радостью победило мир христианство... радость о «Духе Святом» есть, может быть, единственный документ религиозной подлинности вообще. И Толстой хорошо понимал это, а потому он часто и настойчиво говорил и достигнутой им радости, как будто стараясь в этом кого-то уверить, может быть, раньше всех самого себя»¹⁹.

И действительно, Толстой ни о чем так часто не говорил и не писал, как о *радости* освобождения от грехов, о радости *преодоления зла*. «Тяжело бывает человеку знать про

¹⁵ Толстой Л. Н. Письмо к индусу // Там же. - С. 189-190.

¹⁶ Толстой Л. Н. Круг чтения. Т. 1. - С. 250, 438.

¹⁷ Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н.Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей» // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993, Т. 2. - С. 477.

¹⁸ Там же. С. 490.

¹⁹ Там же. С. 478.

свои грехи, но и зато большая радость чувствовать, что освобождаешься от них. Не было бы ночи, мы не радовались бы свету солнца. Не было бы греха, не знал бы человек радости праведности»²⁰.

Само понятие и состояние «радости преодоления зла», как нам кажется, лучше всего передают противоречивость толстовского понимания природы зла. Зло выступает здесь и как самостоятельная, реальная сила, которую необходимо побороть и преодолеть, и как иллюзия, разрушение которой и создает ощущение радости и свободы. Ибо абсолютная, «совершенная радость» возможна только в случае ощущения абсолютного преодоления злой силы, полного освобождения от нее, что достигается только в результате радикального искоренения зла как иллюзии. И вместе с тем радость приобретает высший смысл, если речь идет о преодолении реальной, предметной силы зла. Сама иллюзия зла играет здесь своеобразную роль «божественной благодати», способствующей окончательному преодолению силы зла в человеке: для Бога зло действительно есть чистая иллюзия.

В этом плане толстовское понимание природы зла, определяющее уникальность его философии непротивления, больше всего соответствует духу и смыслу зла в философии Упанишад: «Зло не реально в том смысле, что оно связано с возможностью превращения его в добро. Оно реально по размерам тех усилий, которые требуются для его преобразования»²¹. В систематической форме концепция зла излагается Толстым в учении о *грехах, соблазнах и суевериях*, которое представляет собой своеобразный сплав христианских (святоотеческих), буддийских и античных взглядов на проблему пороков и злых страстей в человеке.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н.Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей» // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993, Т. 2.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
3. Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1993. Т. 1.
4. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
5. Толстой Л. Н. Круг чтения. М., 1991. Т. 1.
6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 36.
7. Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993.

NOTION OF "EVIL" IN THE RELIGIOUS PHILOSOPHY OF LEO TOLSTOY

E.D. MELECHKO

*The Tula state
pedagogical
university n.a. I. Tolstoy*

e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru

The article analyzes the concept of evil in the religious and moral teachings of L. Tolstoy reveals the paradoxical duality and evil are defined by its origins, content, and meaning, as well as opportunities to overcome, as the methods of spiritual revival and moral self-identity. This article analyzes the different approaches of understanding the moral nature of man in the history of culture and their impact on the concept of evil in religious moral teachings of Leo Tolstoy.

Key words: evil, sin, violence and non-resistance to evil, good, good, moral perfection, love, joy.

²⁰ Толстой Л. Н. Путь жизни. - С. 81.

²¹ Радхакришнан С. Указ. соч. - С. 202.